

Юрий ИВАНОВ

В ПОСЛЕБЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

День Победы 9 мая 1945 года в Ленинграде помню хорошо, хотя было мне всего восемь лет. День был солнечный, было тепло. Маму отпустили с работы пораньше, я подошел после школы к заводской проходной, дождался ее, и мы пошли домой. Атмосфера была радостная, все улыбались, на душе было легко. Над городом летали самолеты и сбрасывали листовки с сообщением о Победе. К нам во двор они не залетали, а очень хотелось их поймать. Я попросил маму отпустить меня сбежать на улицу и половить их там, но мама меня не отпустила. Она была чем-то озабочена, видимо, были какие-то бытовые проблемы, и этот день мне запомнился тем, что мама была почему-то нерадостная.

А надо сказать, что забот у взрослых было немало. Осенью 1944 года я пошел в школу. В тот год в первый класс стали принимать с семи лет. Раньше принимали с восьми. Война сократила население, а рабочие руки для восстановления страны нужны, и поэтому власти приняли решение начинать детям учиться с более раннего возраста. В результате в нашем классе были и семилетки, и восьмилетки, и девятилетние дети, которые приехали из эвакуации или из оккупированных мест, где они не учились. Это создавало массу неудобств. Особенно меня возмущало, что требования по физкультуре к нам были одинаковые, и поэтому великовозрастные ученики по этому предмету были пятерочниками, а мы, блокадники, троечниками. Никаких льгот для блокадников не было не только по физкультуре, но и вообще. В нашей семье была еще одна проблема. У меня в войну умерли все бабушки и дедушки, и поэтому из школы меня забирать было некому, а мама и папа работали на заводе, выпускали военную продукцию. После школы я и еще несколько таких детей, оставшихся без присмотра, подходили к заводу и ждали там, когда наши родители закончат свою смену. Сколотилась небольшая компания таких вот бедолаг. Завод «Русский дизель», где работали наши родители, находился на берегу Большой Невки, одного из рукавов дельты Невы. Здесь мы и проводили время до выхода из проходной наших родителей. В реке ловили небольшой металлической сеткой мелкую рыбку колюшку, которой тогда было очень много. Рыбка, конечно, не промысловая, но ее можно было перемалывать с помощью мясорубки в фарш и жарить рыбные котлеты, что моя мама и делала, удалив предварительно колючки. Котлеты эти были для нас очень вкусные. До войны по берегу, где сейчас проходит оживленная автомобильная трасса в Финляндию, ходил трамвай. Напротив проходной стоял раз-

Юрий Ильич Иванов родился в 1937 году. Окончил Ленинградский политехнический институт. Работал инженером на Ленинградском машиностроительном заводе «Звезда». С января 1975-го по ноябрь 1977 года по направлению Государственного комитета по экономическим связям работал в качестве эксперта ООН по дизельным электростанциям Восточной Африки в городе Могадिशю (Сомали). С 1990 года по настоящее время работает по индивидуальным контрактам переводчиком с английского языка технических текстов. Блокадник, ветеран войны, ветеран труда.

битый снарядом трамвайный вагон, по которому мы с удовольствием лазали. И игрушки у нас были военные. Помню, у многих мальчишек в карманах помимо рогаток, резину для которых мы вырезали из противогозлов, а их в большом количестве выбрасывали после войны, можно было найти и осколки от снарядов. Один такой осколок был и у меня. Я его хорошо помню, так как одна его сторона представлял собой наружную часть снаряда, поскольку на нем были видны бороздки от токарной обработки. Иногда удавалось проскользнуть на территорию завода. Помогала в этом мне наша соседка, которая работала вахтером на проходной. При этом она просила, чтобы, проходя мимо низко расположенного окна кабинета начальника отдела кадров, я пригibasлся, чтобы тот меня не заметил. Пропускала она меня по своей доброте душевной, хотя очень при этом рисковала. Надо сказать, что в послевоенное время бандитизм был сильно развит, и она не хотела, чтобы я попал в какую-нибудь нехорошую компанию. Такой пример в нашем дворе был. Один подросток с нашего двора, сын дворника, звали его Виталий, был затянут в какую-то, как сейчас говорят, криминальную группировку. Где-то во время кражи всю компанию арестовали. Арестовали и этого подростка. В те времена сроки заключения давали большие, и Виталий, как говорится, загремел по полной. Помню, как его мать плакала во весь голос в нашем дворе. Однако просидел он не очень долго, видимо, малолетку пожалели и довольно скоро выпустили. Возможно, его пожалели также и при назначении на лагерную работу, поскольку, вы не поверите, направили его работать санитаром в лагерный родильный дом. Помню, когда он появился в нашем дворе, старшие мальчишки стали расспрашивать его про эту работу, в надежде услышать что-нибудь интересное. Однако он, молодец, сразу пресек все эти разговоры, сказав, что все, что он видел в родильном доме, было очень страшно, а женщин надо очень и очень жалеть. Парень этот, несмотря на такое вот уголовное прошлое, был очень добрым, в дальнейшем он устроился на работу на завод и стал обычным рабочим человеком.

Был и другой случай. Племянница нашей соседки Аня поехала в отпуск в деревню, а там решила продлить этот отпуск не совсем законным путем. Знакомая родственница выписала бюллетень по болезни. Кто-то прознал об этом и донес. Суд был скорым и жестоким. Ее осудили на 10 лет лагерей и отправили куда-то на север. Сидела она недолго, так как вскоре забеременела и родила девочку. (Виталий не зря работал в лагерном роддоме.) В результате вскоре ее отпустили, и она приехала в Ленинград. Девочка была нормальным, здоровым ребенком. Каким было ее настоящее имя, не помню, поскольку все ее звали детским родительским именем-прозвищем — Ука. Много позже Аня рассказала о том, как однажды она была свидетелем страшной лагерной истории. Этот случай можно назвать женским вариантом рассказа Варлама Шаламова. В одном из пересыльных лагерей, когда ее везли по этапу, находящаяся рядом с ее нарами группа женщин играла в карты. Одна женщина полностью проигралась и поставила на кон свою жизнь. Проиграла и эту ставку. Дальше все происходило буднично и просто. Женщина легла на бок и попросила убить ее так, чтобы она не мучилась. Другая женщина вынула из дымохода лагерной печи тяжелую чугунную вьюшку и примерилась к вьюшке. Короткий, точный удар, тихий короткий стон, и все было кончено. Лежащая рядом с Аней женщина посмотрела на нее и приложила палец к губам: молчок. «Жмурика» сбросили на пол, а утром покойницу вынесли вместе с какими-то другими умершими. Никакого расследования, конечно же, не было.

Пробравшись на территорию завода, я бежал в модельный цех к своим родителям, где и проводил время до конца смены. В модельном цеху работали с деревом, и поэтому там было чисто, уютно, тепло, вкусно пахло стружками. Все доски, которые тогда выпускались промышленностью, шли на военные нужды, и в модельный цех привозили старые ящики, которые модельщики разбирали, и полученный таким образом материал использовали для изготовления литейных моделей. С этими ящиками я играл

и поэтому неплохо проводил время. В цеху было много станков, и находиться ребенку там было небезопасно. Хорошо, что в конце концов все кончилось благополучно. Кстати, модельщики — это особая рабочая каста, которая очень гордилась своей профессией, держалась обособленно, а на запачканных машинным маслом металлистов смотрела свысока. Коллектив был дружный, помогали друг другу, вместе обедали тут же в цехе. Во время голода 1946 года в своем цеху модельщики иногда даже ели кошек и собак. А чтобы эта еда не застревала, покупали в имеющихся тогда на каждом шагу пивных ларьках трехлитровые банки разливного пива.

В связи с тем, что оставлять меня дома было не с кем, родители приводили меня в школу очень рано, до начала рабочей смены. Самостоятельно завтракать, закрывать дверь и уходить в школу первоклашка не мог. Поэтому перед работой родители меня приводили в школу, оставляли там и уходили на завод. Здесь, в школе, было несколько таких же малышей без дедушек и бабушек, которые ожидали начала уроков в течение почти двух часов. Сидели мы в вестибюле, в классы нас не пускали. К счастью, продолжалось это не очень долго. На следующий год у мамы родилась моя сестра, и маму отпустили с работы. Уволиться с работы без уважительной причины в то время было непросто. Даже в 1956 году, когда я увольнялся в связи с поступлением на дневное отделение института, решение по каждому увольняющемуся принималось на заводском комитете под председательством директора завода.

Школьные годы проходили нормально, хотя иногда были отключения электричества. Если это случалось вечером, приходилось делать уроки при свете блокадной коптилки. Коптилка у нас хранилась долго, жаль, не сохранилась до сих пор. Производство еще не заработало на полную мощность, был большой дефицит различной бытовой мелочовки. Помню, одно время в классе испортился выключатель, и мы просто-напросто соединяли между собой торчащие наружу провода.

Интересно, что, несмотря на то, что в 1946 году мне было всего девять лет, я хорошо помню заголовок в газете «Правда» «Черчилль бряцает оружием». Значения слова «бряцает» я не знал, но догадался. Так началась «холодная война». Вообще о политике нам, школьникам, говорили много, проводились политинформации. Вовсю расцвел культ личности Сталина. Как-то раз на уроке пения учительница нам сказала: «А сейчас, ребята, мы будем разучивать песню о Сталине». И написала на доске слова этой песни. Текст этой песни я помню до сих пор. Вот он:

Там, где сосны шумят исполины,
Где могучие реки текут,
Там о Сталине мудром былины
У костров лесорубы поют.

То, что лесорубы в перерывах между валкой сосен у костров поют о Сталине не просто песни, а какие-то величественные былины, я нисколько не сомневался. А вот что такое исполины, я не знал. Но так как я хорошо знал, что стволы сосен пачкаются смолой, то я решил, что это сосны-исполины. Так я и пел: «Там, где сосны шумят исполины». Кстати, мотив этой песни был использован позднее, когда кто-то сочинил песню «Называют меня некрасивою», так что вы можете легко пропеть этот куплет. Решили, что не пропадать же зря хорошей мелодии. Интересна и другая песня о Сталине. Вряд ли кто ее помнит. Там был такой припев: «„За Родину! За Сталина!“ — горнит артиллерист». В те времена с подачи Маяковского многие поэты изобретали новые слова. Вот и придумали новый глагол, надо полагать, от слова «горн». Так как я всегда был голоден, то вместо «горнит» я пел «гарнир».

В 1947 году, довольно быстро после войны, произошла денежная реформа, отменили карточки. Наша семья облегчение почувствовала сразу, так как отец, являясь вы-

сококласным специалистом, хорошо зарабатывал. Говорят, многие люди потеряли большие накопленные деньги, так как на новые купюры меняли только небольшую сумму, но это коснулось немногих, поскольку народ в основном был безденежный. Появилось даже мороженое. Помню, как я впервые его увидел. Это был брикет. Стоил он, как сейчас помню, 12 рублей, и мама его мне купила. Нам, детям блокады, всякая новая еда была в новинку. Помню, что появились всякие напитки. Мне, которому в течение многих лет из напитков приходилось пить только кипяток, слово «напиток» было незнакомо. Поэтому когда в магазине я впервые увидел бутылку с надписью «Апельсиновый напиток», я попросил у мамы купить мне этот напиток, чем позабавил окружающих.

Жизнь постепенно налаживалась. В связи с отсутствием всего необходимого, как продуктов, так и одежды, власти даже разрешили некоторую свободу торговли. В том месте, где сейчас находится автовокзал, работал единственный в городе вещевой рынок. Здесь продавалось много трофейных вещей. Рынок был очень колоритный. Продавцы ходили и расхваливали свой товар, как это сейчас показывают в исторических кинофильмах про Гражданскую войну. Я даже запомнил стихи, которыми один парень расхваливал продаваемые им брюки: «А вот брючата, заглядятся все девчата, предел изящества и красоты, всю жизнь счастливым будешь ты». Это были великолепные серые брюки иностранного производства, возможно трофейные. Наверное, Остап Бендер не отказался бы походить в таких брюках по Рио-де-Жанейро, хотя и были они не совсем белые. Мама купила эти брюки отцу для работы, но когда отец пришел в них в свой цех, его практичные сотрудники сказали, что такие брюки следует носить только по праздникам, но никак не на работу. Пришлось отцу купить брюки попроще. А заграничные брюки были изготовлены из такого красивого и качественного материала, что даже и я, став взрослым, щеголял в этих штанах на курорте в Сочи.

Иногда устраивались ярмарки, где люди могли продавать какие-то свои поделки. Это были различные изделия из дерева, вязаные рукавицы, валенки, которые привозили колхозники. Устраивались карусели и какие-то нехитрые представления. Женщины продавали так называемые раскидаи, которые они делали у себя дома, то есть бумажные шарики из цветной бумаги, набитые опилками, привязанные к тонкой резинке. Шарики прыгали на этой резинке, и детям это нравилось. Кстати, некоторые изделия изготавливали пленные немцы. Чаще всего они делали домики-копилки. При этом к моему удивлению, многие свободно ходили по городу. Ходили по квартирам. Хорошо помню, как один такой немец позвонил к нам в дверь. Он как раз и продавал такой домик, и даже помню, что продавал он эту копилку за пять рублей. Но мама не купила. Немец с любопытством смотрел на нас, а мы на него, и все мы были настроены доброжелательно по отношению друг к другу. Немцы жили в каких-то казармах неподалеку от нашего дома, и летом я иногда видел, как они сидели на подоконниках и подставляли свои не такие уж и тощие спины солнцу.

Поскольку у нас было очень много родственников в деревне, они часто останавливались у нас, когда приезжали в город что-нибудь продавать. Денег в деревне не было, работали за трудодни, и им приходилось что-то изготавливать и продавать свои изделия на рынке. Особенно хорошо я запомнил своего дядю Егора. Он был специалист по катанию валенок. К сожалению, наши коммунистические власти не любили частное предпринимательство, хотя валенки для людей были крайне необходимы. Эти валенки дядя Егор делал тайно от соседей в бане по ночам. Как он доставлял их в Ленинград, уж и не знаю, но у меня всегда были теплые детские валенки. Запрещали также и шить дубленки, хотя в те суровые зимы они были крайне необходимы. И ходили наши колхозники в, как они называли, пальтухах, лен- и мосшвей пошива, в результате чего частенько простужались, так же как и мы, городские. Как-то на чердаке у другого своего дяди, дяди Васи, я нашел такую старую деревянную дубленку, а также кафтан

из овечьей шерсти, что было тогда большой экзотикой. Дядя Егор много рассказывал о своей жизни. Показывал он нам и ту знаменитую справку, по которой он приезжал в Ленинград, так как колхозникам паспорта не полагались. Надо бы помнить эти справки. Справка выдавалась сельсоветом с подписью председателя и печатью. А ведь он мог эту справку и не дать. Все зависело от его настроения. Рассказывал дядя Егор и о своей жизни в оккупации. Его хороший дом заняли немецкие офицеры, а он с женой и маленькой дочкой все три года жил в бане. Поскольку их деревня Красихино, в 12 километрах от Пушкинских Гор, находилась глубоко в немецком тылу, то и офицеры были тыловые и семью дяди Егора не обижали. Красихино немцы оставили без боя, видимо, спрямляли линию фронта. Было это неожиданно. В какой-то день немцы исчезли, а в деревне появились какие-то, как рассказывал дядя Егор, плохо одетые вооруженные люди. Одежда их была настолько заношенной и разнообразной и были они такими измученными, что сначала он подумал, что это были партизаны. Но это были передовые отряды Красной армии, которым действительно было несладко, так как они шли с боями и были первыми.

Деревенские гости уезжали, и наша послевоенная жизнь продолжалась. В городе было много оружия. Его привозили с собой демобилизованные фронтовики, а также послевоенная молодежь, которая постоянно ездила на места недавних боев. Хорошо помню, что ребята ездили чаще всего на станцию Поповка. Иногда эти ребята больше домой не возвращались или возвращались, но уже инвалидами, подрывались на минах и снарядах. Привозили оружие и на завод «Русский дизель» на переплавку. Однажды подростки с нашего двора и мы, примкнувшая к ним малышня, пробрались на территорию запасных путей Финляндского вокзала, которые находились рядом с нашим домом. Здесь мы, мальчишки, попали, как нам показалось, в какую-то сказку. На путях стоял поезд, состоящий из открытых платформ, с наваленным на него различным стрелковым оружием. Особенно много было винтовок. Хорошо помню, что у всех у них были вынуты затворы, а деревянные приклады отпилены. Забраться на открытые платформы было нетрудно, и мы в полном восторге копались в этом оружии. Кроме винтовок, было много и другого оружия, например немецкие штык-ножи. Один из нас нашел что-то вроде панциря. Это был брезентовый фартук с прикрепленными к нему двумя металлическими листами в районе груди и живота. Один такой фартук я увидел много лет спустя на барахолке у станции Удельная. Так что это не плод моей фантазии. Много было и другого, всего не упомнишь. Так мы рылись в этом богатстве, пока наконец не появилась охрана. Это были два солдата с автоматами, которые, к нашему счастью, были настроены благодушно, то есть направлялись к нам неторопливо. Они шуточно-угрожающе потопали сапогами, видимо, им лень было нас ловить, и мы благополучно удрали через дырку в заборе. При этом один из старших мальчишек утащил-таки штык-нож. Это приключение запомнилось мне надолго.

Добирались мы и до расположенного неподалеку от нашего дома Ботанического сада. Хорошо помню описанную в многочисленных мемуарах и даже в каком-то рассказе замерзшую пальму. От пальмы остался один ствол, и мы на него пытались забраться, воображая, что в этот холодный пасмурный осенний день мы находимся в Африке. Стекол в оранжерее не было, и мы лазали по лестницам и галереям, каркасу оставшейся без стекол оранжерее.

Как только отремонтировали паровое отопление, мы убрали буржуйку. Это было очень радостное событие. В комнате стало просторнее и чище. С окон смыли наклеенные крест-накрест газетные полоски, которые защищали стекла от разрушения при близких разрывах бомб и снарядов. Убрали также шторы, изготовленные из обоев, выкрашенных в черный цвет. Повесили занавески, и в комнате стало светло. Я окончил первый класс, и начались первые мирные летние каникулы.

Послевоенное лето 1945 года в Ленинграде знаменито тем, что в городе 8 июля состоялся Парад Победы, который прошел на Дворцовой площади. На этом параде меня не было, но войска Ленинградского фронта после парада проходили в предназначенные для них казармы по Лесному проспекту мимо нашего дома № 20. Мы, дети с нашего двора, стояли около своего дома и смотрели на проходящих мимо солдат. Это прохождение наших солдат помню хорошо. Особенно мне понравилось, что командиры ехали впереди верхом на конях.

Лето 1945 года было теплым. Это было первое мирное лето. Всем желающим раздали участки земли на окраинах города для выращивания картошки. Такие участки были практически у всех. Наша семья также получила участок на Гражданке. Родители вскопали целину, посадили картошку, а затем в течение лета мама ездила на этот участок и окучивала эту картошку. Осенью мы ее выкопали и обеспечили себя картошкой на всю зиму. Эта картошка, кстати, и спасла многих от голода 1946 и 1947 годов. Надо сказать, что картошка в те времена была крупная и рассыпчатая. Крупная картошка бывает и сейчас, но вот рассыпчатой она уже не бывает. Впрочем, это понятно. Рассыпчатая картошка долго не хранится, а главное, она плохо выдерживает транспортировку. Возможно, также, что и сорт потеряли. Спасало от голода также и так называемое подсобное хозяйство, которое было у каждого крупного завода. Это был, можно сказать, сельскохозяйственный цех завода, где рабочие выращивали овощи, свиней и другую сельскую продукцию. Все это шло потом в рабочую столовую.

К концу лета поспели ягоды. Ягоды тогда росли совсем близко от Ленинграда. На улицах города очень часто можно было видеть самодельных продавцов ягод с полными корзинами, которые продавали свою продукцию стаканами в газетных кулечках. Никто этих продавцов не гонял. Очевидно, правители понимали, что не стоит препятствовать этому небольшому бизнесу, который приносит пользу как продавцам, так и покупателям, которые запасались небольшим количеством витаминов. Один из наших знакомых, особенно предприимчивый, сумел на этих ягодах накопить даже на велосипед. Велосипед в то время был большой роскошью, и обладателям этого транспорта завидовали так же, как завидовали владельцам автомобилей в более позднее советское время. Почему-то во многих местах продавали также и рогоз, то есть стрелки камыша с коричневыми шишками, который нарезали в окрестных болотах. Люди покупали, и это также был небольшой бизнес, который разрешали. Зачем им был нужен этот рогоз, непонятно. Может быть, для сухого букета в вазу.

В августе 1945 года сбросили на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы. Об этом много говорили. Я расспрашивал старших ребят, что это такое, но, конечно же, никто ничего толком мне не сказал. Помню только, что мне сказали, что все мы состоим из атомов, и меня это очень озадачило. Про войну с Японией тогда говорили очень мало. Война эта была далеко, а мы радовались, что здесь она закончилась, и думать о ней не хотелось.

Если велосипедов в то время было мало, то самокатов было достаточно. Мы, мальчишки, гоняли на них без усталости по всему городу. Как-то раз, нас было трое десятилетних пацанов, мы доехали аж до самого Эрмитажа. Что это такое, мы не знали, просто нам понравилось здание, увидели красивый вход и прямо с самокатами вошли внутрь. Этот первый поход в Эрмитаж я запомнил на всю жизнь. Мы вошли в гардероб. Помню, что гардероб был практически пустой. Располагался он тогда на первом этаже, а не в подвале. Нас встретила пожилая женщина-гардеробщица. Это была добрая милая женщина. Она встретила нас так радостно и приветливо, как будто мы были самыми лучшими посетителями. И неудивительно, в этот храм искусства пришли какие-то ребята на самокатах. Она приняла на хранение наши самокаты, что, я думаю, следовало бы записать в историю Эрмитажа. Вряд ли когда-либо еще в гардероб Эрмитажа

сдавали самокаты. Пройдя в музей, мы долго ходили по его залам, пораженные всем имеющимся там великолепием. Но не шедевры Эрмитажа я вспоминаю, а то, как приветливо и радушно нас встретила гардеробщица, приняла, не прогнала. Эту женщину-гардеробщицу я запомнил на всю жизнь и всю жизнь ношу в своей душе благодарность этой простой работнице музея мирового значения. Думаю, Пиотровскому эта история была бы интересна.

Закончились первые послевоенные каникулы, наступил первый послевоенный учебный год 1945 года. В классе отметили всех, у кого погибли отцы в войну. Хорошо запомнил, что без отцов осталась почти половина класса. Страшная статистика. Знать детей погибших воинов было необходимо для того, чтобы обеспечивать их так называемыми ордерами на одежду и обувь, по которым можно было прийти в магазин и купить то, что было указано в этом ордере. В условиях нехватки в послевоенное время гражданской продукции такие ордера были крайне необходимы. В основном нам, детям, что-то шили, перешивали, что-то приобретали на рынке. В общем, выкручивались, кто как мог. Сейчас никто не помнит, а тогда было такое слово «перелицевать». То есть наши матери распарывали старое полинявшее пальто, переворачивали его ткань внутренней стороной наружу и сшивали пальто снова. Пальто получалось почти как новое. Иногда одежду присылали в качестве гуманитарной помощи американцы. Так брату моей будущей жены прислали великолепный вельветовый коричневый костюмчик с модными тогда брюками-гольф. Учебники и тетради носили в старых портфелях, сумках от противогазов, а наиболее удачливые носили свои школьные принадлежности в полевых сумках командиров, которые привозили их отцы с фронта. Это был высший школьный шик. Потом сумки такого типа для школьников стали даже выпускаться кожгалантерейными фабриками.

Водили нас в Музей обороны Ленинграда. Самым ярким экспонатом этого музея был самолет, который был подвешен к потолку. Этот самолет запомнился всем, кто посещал этот музей, который был организован вскоре после окончания войны и очень скоро перестал существовать, так как было принято решение нашими верховными властями в Москве о его ликвидации. Хотелось бы узнать, что это был за самолет. Было бы хорошо, если бы его таким же способом установили и сейчас. Это был бы хороший знак передачи памяти того разгромленного музея современному Государственному мемориальному музею обороны и блокады Ленинграда.

Разгром Музея обороны Ленинграда, видимо, был проведен в ответ на ту мировую славу подвига Ленинграда, которая, возможно, не понравилась Сталину, так как эта слава могла затмить славу его величества. Музей был закрыт после появления так называемого «ленинградского дела». Помню, как люди, конечно же шепотом, жалели расстрелянного Петра Сергеевича Попкова, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), который, как мог, во время блокады обеспечивал жизнь в городе, занимался распределением жалких запасов продовольствия для жителей города. Думаю, что правильное распределение продовольствия спасло жизнь многим ленинградцам. Этому руководителю ленинградцы любили. И человек, который вместе со всеми провел всю блокаду в городе, выжил, вместо благодарности был расстрелян. Это чудовищно.

Об атмосфере страха в те времена написано много. Это коснулось и нашей семьи. Расскажу об этом по порядку. Не помню, в каком году проходили очередные выборы в органы власти. На каждом шагу висели плакаты с призывом приходиться на выборы и голосовать за так называемый блок коммунистов и беспартийных. Этот блок меня тогда очень удивлял, и я старался понять, что это за блок такой. При каждом домохозяйстве был организован так называемый агитпункт. Надо полагать, для агитации за этот блок. В общем-то, агитпункт был организован неплохо. Там мы по вечерам играли

в шашки и шахматы, настольный бильярд, был такой с маленькими шариками, нам показывали кинофильмы, и мы, дети, да и взрослые были довольны. Народу было много, было весело. Наш агитпункт находился в полуподвальном помещении, и поэтому портрет Сталина был установлен очень низко, над лестницей, ведущей вниз. Дождаясь открытия агитпункта, мы, детвора, играли в снежки у входа. В какой-то момент я попал в портрет нашего вождя. Все в ужасе замерли. На мою беду, мимо проходил какой-то бдительный товарищ. Я его запомнил на всю жизнь. Это был солидный гражданин, очень богато и по тогдашним меркам модно одетый. На нем было зимнее кожаное пальто коричневого цвета. Воротник и шапка были из белого каракуля, а на ногах белые бурки, модная обувь тех времен. Он направился ко мне. В ужасе я бросился бежать. Несмотря на свой солидный вид, он бодро, по-спортивно, бросился за мной и, конечно же, догнал слабосильного малолетку-блокадника. Крепко держа меня за руку, спросил, где я живу, и повел ко мне домой. Ноги меня еле слушались. В те времена по Ленинграду, да и, наверное, по всей стране ходили страшные городские легенды. Например, в очереди одна женщина сказала, что на их доме повесили Сталина, имея в виду, конечно же, его портрет. Тут же к ней подошли и увели куда следует. После этого пропала женщина и вся ее семья. Согласно другой легенде, один художник писал плакат про генералиссимуса и в слове «главнокомандующий» пропустил букву «л». Естественно, также пропал он и вся его семья. Конечно же, такие истории были страшилками, но придуманы были они не случайно. Такая была в те времена общая атмосфера. Но были и конкретные факты. Например, много позже я спросил у своей матери, а был ли кто-либо арестован из жильцов нашего двора. И она рассказала об одном рабочем, который отказался подписываться на какой-то заем, после чего бесследно исчез. Эти займы брались каждый год, то есть у людей в «добровольном порядке» отбирали одну месячную зарплату в год. Правда, этот отбор происходил не сразу, а был распределен на весь год, то есть в ежемесячной квитанции на зарплату помимо прочих налогов был еще вычет на заем. Это была серьезная нагрузка на семейный бюджет.

Товарищ привел меня домой. Все мои родители были дома. Возможно, товарищ надеялся встретить там каких-либо интеллигентов, которых тогда охотно отправляли в ГУЛАГ. Однако здесь его ждало разочарование. Это была скромная комната рабочего. Но при этом надо сказать, что отец мой всегда держался с достоинством, так как он был высококвалифицированным рабочим и всегда этим гордился, да и на заводе его любили и уважали. Кроме того, кто-то ему посоветовал, и он как модельщик по дереву сделал красивую рамку, в которую вставил портрет Ленина. Этот портрет отец повесил в комнате на видном месте. И сделал это, как оказалось, не зря. Впоследствии мать рассказывала, что, увидев портрет Ильича, товарищ был несколько обескуражен. Несколько скис он и тогда, когда узнал, что здесь проживает семья Ивановых. Это было уже совсем плохо. Не та фамилия. В общем, проведя политическую беседу и сказав, что не надо так неуважительно относиться к вождю, товарищ быстро удалился. Мудрые мои родители ругать меня не стали. Однако страх, тот липкий страх, о котором часто пишут люди того времени в своих мемуарах, долго меня не отпускал. Как сейчас помню, я не мог есть в течение трех дней. Вот вам та самая слезинка ребенка, про которую писал Достоевский. Однако детская память короткая, и, к счастью, моя психика не пострадала, я как-то быстро забыл эту историю. Здесь сработала защитная реакция организма.

Тем не менее эта история имела свое продолжение. Много лет спустя, находясь по работе на «Русском дизеле», я встретил уже находящегося на пенсии бывшего начальника отдела кадров, его фамилия Михайлов, мимо окон которого, пригибаясь, я пробирался на завод. Сначала я рассказал ему об этом, и мы вместе посмеялись. Потом

я вспомнил свою историю с попаданием снежка в портрет Сталина. Я обрисовал ему приметы того бдительного товарища, который меня поймал. Как кадровик он сразу определил, кто это был, и все о нем рассказал. Это был начальник литейного цеха по фамилии Духовный. Меня это удивило, так как я думал, что за мной гнался какой-нибудь партийный функционер. Но нет, это был представитель технической интеллигенции, которых все уважали, так как их тогда было не так много, как сейчас. Интересно, зачем было ему мчаться после трудового дня в своих модных белых бурках за ослабевшим после блокады малышом? Неужели и вправду он так любил Сталина, что не мог вынести то, что на его портрете оказалось пятно талого снега? Или это был общий психоз обожания вождя? Скорее всего, его гнал тот страх, что царил тогда в обществе. Очевидно, он хотел заработать некую индульгенцию на случай своего ареста. Надо сказать, что начальники цехов того времени были особенно уязвимы в отношении арестов. Достаточно не выполнить план или сорвать какой-либо важный заказ. Однако, оценив ситуацию, когда он пришел в нашу скромно обставленную комнату заводского рабочего, понял, что раздувать пожар будет себе дороже. Кроме того, хорошо помню, что в то время в ходу была поговорка «Доносчику первый кнут». Думаю, что люди, часто повторяя эту пословицу, пытались хотя бы таким образом обезопасить себя от доносов. Вот так желание угодить начальству и обезопасить себя принимает такую страшную форму, когда человек думает только о своей шкуре и готов задавить кого угодно. Учитывая тогдашнюю атмосферу, я могу его понять и простить, но можно ли об этом забыть?

Здесь я не зря вспомнил индульгенцию, то есть документ об освобождении от грехов, которым служители католической церкви торговали во времена инквизиции. Наша литературная интеллигенция, живя в страхе, даже в этих условиях пыталась показать миру, в какой атмосфере мы живем. Надо сказать, что тогда все много читали, а советское книгоиздательство выпускало книги в большом количестве, и в основном это была классика. Одно время на полках магазинов и в библиотеках вдруг в большом количестве появилась книга бельгийского писателя Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле». Возможно, «грамотеи» выпустили ее не случайно. Рановато мне было ее читать, но тогда я читал все подряд, прочитал и эту книгу. Много позже я понял, что описываемые в книге события — это про нас. Здесь и инквизиция — это НКВД и доносы, это донос рыбака на Клааса, отца Тиля Уленшпигеля, и страх попасть на костер. И вот тогда стали известны слова: «Пепел Клааса стучит в мое сердце». К сожалению, эти слова иногда мне приходится говорить и сейчас в спорах со сталинистами и любителями культа личности.

Однако надо сказать, что в послевоенном детстве в тяжелых бытовых условиях было много и хорошего. Было тогда большое количество библиотек. Библиотеки были обязательно в каждой школе. В каждом районе города был так называемый Дом пионеров и школьников. Такой дом был рядом с нашим домом и назывался он ДПШ имени Плеханова. Мы тут же окрестили его «Плешка». Там была масса кружков, и технических, и художественных, и мы, кажется, перебрали их все. Летом мы купались в пожарном водоеме, который находился в саду этого дома, а зимой съезжали на лыжах и санях с крутых берегов этого пруда. Кстати, в этом водоеме мы развели и небольших водяных ящериц, тритонов, которых мы наловили в пруду Ботанического сада. Это были такие забавные миниатюрные «крокодилчики», которые теперь, пожалуй, попали в Красную книгу, а тогда их водилось великое множество. Исчезли также из городской природы майские жуки, которые низко и тяжело летали, и мы сшибали их кепками (тогда кепки носило поголовно все мужское население от мала до велика), стрижи, которые носились высоко, издавая громкие, пронзительные крики, и ласточки. Иногда на чердаках селились даже летучие мыши. В общем, было обычное ленинградское детство, и мы его проводили, быстро забыв о своих военных невзгодах.